

**«Письма леди Рондо»:
восприятие России англичанкой в эпоху Просвещения***

Ксения Созинова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

***Letters of Lady Rondeau:*
Russia as Seen by an Englishwoman in the Age
of Enlightenment****

Kseniya Sozinova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This paper explores the problems of perception of Russia and the Russian court in the English female travelogue. The author analyses *Letters from a Lady, who Resided Some Years in Russia, to her Friend in England* and *Eleven Additional Letters from Russia, under the Reign of Peter II* by Jane Vigor (Lady Rondeau), covering the period from 1728 to 1739. The *Letters* are informal and contain various episodes related to the court of Peter II and Anna Ioannovna, whose social life Mrs. Vigor participated in over the years. The *Letters* reflect the facets of the “common” and “special” in the cultural code of the British and Russians as a complex of stereotypes of public consciousness in Britain and Russia, and a view of gender roles in the British and Russian societies of the eighteenth century. In her writings, Jane Vigor acts as a guide for a new culture of politeness, serving as a basis for the articulation of social relations between the various cultural groups at court united in post-Petrine Russia. Vigor fixes the space of change in the Russian court when a new

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

** *Citation*: Sozinova, K. (2022). *Letters of Lady Rondeau: Russia as Seen by an Englishwoman in the Age of Enlightenment*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1724–1740. DOI 10.15826/qr.2022.5.757.

Цитирование: Sozinova K. *Letters of Lady Rondeau: Russia as Seen by an Englishwoman in the Age of Enlightenment* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1724–1740. DOI 10.15826/qr.2022.5.757 / Созинова К. «Письма леди Рондо»: восприятие России англичанкой в эпоху Просвещения // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1724–1740. DOI 10.15826/qr.2022.5.757.

culture of politeness replaces the old forms of ceremonial communication. The development in *Letters* of the social paradigm of the feeling of politeness testifies both to the universality of this cultural vocabulary for Vigor herself, and to its identification of Russia as a place where European values are shared at the elite level. Methodologically, this study relies on the gender approach. In the case of Jane Vigor, it was gender that represented a significant form of privilege. Referring to Jane Vigor, the author demonstrates that in a certain period, a woman had more opportunities to participate in the private and public life of the Russian court than a man.

Keywords: Jane Vigor, Lady Rondeau, Anna Ioannovna, travelogue, cosmopolitanism, culture of politeness, Russian court, court culture

Исследуются проблемы восприятия России и русского двора в английском женском травелог. Автор статьи анализирует «Письма леди, которая прожила несколько лет в России, ее подруге в Англию» и «Одиннадцать дополнительных писем из России, при правлении Петра II» Джейн Вигор (леди Рондо), охватывающие период с 1728 по 1739 г. Автор «Писем» дважды была замужем за представителями британского правительства в России: первым ее мужем был генеральный консул Англии в России Т. Уорд (1728–1731), вторым – К. Рондо (1731–1739), миссией обоих были налаживание дипломатических связей и заключение англо-русского торгового договора. «Письма» написаны в неформальном стиле и содержат различные эпизоды, связанные со двором Петра II и Анны Иоанновны, в светскую жизнь которых миссис Вигор была погружена на протяжении многих лет. Их тексты отражают грани общего и особенного в культурном коде британцев и русских как комплексе стереотипов общественного сознания Британии и России, а также взгляд на гендерные роли в британском и русском обществах XVIII в. Сделан вывод о том, что философия космополитизма первой половины XVIII в. оказала решающее влияние на Дж. Вигор и на ее восприятие русского двора. В своих трудах она выступает проводником новой культуры вежливости, служащей основой артикуляции социальных отношений между различными культурными группами при дворе, объединившимися в послепетровской России. Развитие в «Письмах» социальной парадигмы вежливого чувства свидетельствует как об универсальности этой культурной лексики для самой Вигор, так и об идентификации ею России как места, где разделяют «общеевропейские» ценности на уровне элиты. Исследование опирается на гендерный подход, именно гендер в случае с Джейн Вигор представлял важную форму привилегии. Автор писем – яркий пример того, что женщина имела больше возможностей участия в частной и публичной жизни русского двора, чем мужчина.

Ключевые слова: Джейн Вигор, леди Рондо, Анна Иоанновна, травелог, космополитизм, культура вежливости, русский двор, придворная культура

«Письма леди, которая прожила несколько лет в России, ее подруге в Англию» (далее – «Письма») были опубликованы анонимно в 1775 г. в Лондоне [Vigor, 1775]. Для современников не было тайной, что авторство писем на самом деле принадлежало миссис Вигор (1699–1783), в девичестве Джейн Гудвин. Дважды она была замужем за видными представителями британского правительства в Санкт-Петербурге, куда она прибыла в 1728 г., будучи супругой Томаса Уорда – английского генерального консула в России. Данный труд был написан уже после заключения второго брака миссис Вигор с секретарем ее покойного мужа Клавдием Рондо в 1731 г., поэтому в отечественной историографии данный источник получил название «Письма леди Рондо» [Письма леди Рондо], тогда как в британской традиции за героиней закрепилась фамилия ее третьего и последнего супруга Уильяма Вигора (ил. 1 на цв. вклейке).

Джейн Вигор в течение своего десятилетнего проживания при русском дворе проявила себя проницательным и остроумным наблюдателем. Ее переписка с близкой подругой (возможно, сестрой ее первого мужа – это ясно из некоторых уточнений, появляющихся в «Одиннадцати дополнительных письмах», тогда как первая часть «Писем» подобных пояснений не содержит) описывает ее опыт жизни в дипломатических кругах русского двора во время правления Петра II и Анны Иоанновны между 1728 и 1739 гг. (всего 48 писем). Автор отмечает обычаи и практики, с которыми сталкивается в России, перемежая это с рассказами о чувствах, романтических историях, придворных анекдотах и описанием характеров крупных политических фигур при русском дворе.

Описание русского двора 1730-х гг. нашло отклик у английской читающей публики как раз в 1770-х гг. после восшествия на престол Екатерины Великой. «Письма» вызвали живой интерес не только в Великобритании, но и на континенте, на них часто ссылались, а описания крупных политических фигур и вовсе зачастую заимствовали напрямую. К концу 1776 г. «Письма» уже можно было прочесть в Германии, Франции и Голландии, тогда как в России переводы на русский язык появились значительно позднее [Loewenson, p. 400].

«Письма» были переведены в России несколько раз. Первое краткое знакомство русского читателя с ними состоялось в 1822 г. в журнале «Сын Отечества» – А. О. Корниловичем была подготовлена статья «Отрывок из Опыта путешествий по России» [Сын Отечества], содержащая лишь небольшие фрагменты писем. Также следует отметить переводы 1836 г. (М. К. Касторский) и 1874 г. (Е. П. Карнович, предисловие К. Н. Бестужева-Рюмина), в оба издания вошла только первая часть «Писем», изданная в 1775 г., тогда как вторая часть «Одиннадцать дополнительных писем из России, при правлении Петра II» [Vigor, 1784], опубликованная в 1784 г., осталась почему-то вне поля внимания отечественных издателей. Несмотря на то, что дополнение было опубликовано позднее, хронологически эта часть предваряет первое издание

и содержит письма за 1728–1729 гг., относящиеся к правлению Петра II, когда свежи еще были в памяти события, связанные с падением Меншикова. Новый русский перевод 1874 г. был инициирован в связи с тем, что перевод 1836 г. был небрежен и во многих местах искажил смысл подлинника [Письма леди Рондо, с. VII].

Данный труд проникнут философией космополитизма, ставшей «формой самоидентификации культурных элит» эпохи Просвещения [Фрейхов, с. 31]. Этот период связан с появлением первых фигур космополитов, обладавших талантом «поддерживать отношения и распространять идеи». Они стали центром притяжения интеллектуальной жизни, «оказавшись на перекрестке наций и культур, эти люди – дипломаты, военные, служители культа, коммерсанты – принялись плести сети своего интеллектуального влияния» [Там же, с. 34]. В данном исследовании мы обратимся к проблеме восприятия русского двора в «Письмах» Джейн Вигор сквозь призму космополитизма и рассмотрим, как ее труд способствовал нивелированию национальных предубеждений в умах английских читателей и продвижению новой культуры вежливости.

Одной из главных причин британского интереса к России в этот период была важность англо-русской торговли, которая была весьма чувствительна к политическим изменениям. В мае 1728 г. Томас Уорд был назначен генеральным консулом в России. Миссия Уорда и Рондо была предварительным шагом в восстановлении дипломатических связей между дворами Георга II и Петра II. Уорду также было поручено представлять интересы Русской компании в Санкт-Петербурге [Cross, p. 53]. Эти две его должности фактически совмещали коммерческую и придворную сферы британского присутствия в России, открыв его жене беспрецедентный доступ как к государственным, так и к торговым делам, а также возможность вращаться в придворных кругах, регулирующих англо-русские отношения в 1730-х гг. [O'Loughlin, p. 97].

Иностранцы при русском дворе, оставившие свои литературные свидетельства о России и русских, появляются еще при первых Романовых. Но первые опубликованные записки за женским авторством принадлежат Элизабет Джастис. Несмотря на то, что Джейн Вигор прибыла в Россию раньше и ее записки охватывают более ранний период 1728–1739 гг., они были опубликованы лишь спустя 35 лет, тогда как «Путешествие в Россию» Э. Джастис увидело свет уже в 1739 г., хотя она была в России с 1734 по 1737 г. Плеяду англичанок-путешественниц XVIII в., оставивших свои записки немногим позднее, дополняют труды Элизабет Димсдейл при дворе Екатерины II и Элизабет Крейвен.

По своему происхождению Джейн Вигор не относилась к аристократии, не являлась членом литературного кружка, для нее публикация писем не была средством заработка, как для ее современницы Элизабет Джастис. Она принадлежала к среднему джентри, будучи

дочерью Джорджа Гудвина, приходского священника из Йоркшира. Ее первый супруг Томас Уорд был эсквайром и тоже происходил из среды джентри. Во введении к «Дополнительным одиннадцати письмам» указано, что и Клавдий Рондо (второй супруг) также являлся эсквайром [Vigor, 1784, p. IV]. Расцвет и развитие дипломатической службы в Европе в этот период позволили выходцам из среды джентри сделать успешную карьеру на данном поприще [O'Loughlin, p. 95]. Назначение супруга Мэри Уортли Монтегю послом Британии в Османской империи в 1716 г. позволило ей открыть читателям мир Востока в своем знаменитом произведении «Турецкие письма», тогда как карьерные перипетии супруга Джейн Вигор дали ей возможность составить свое представление о русском дворе. Для Вигор, как и для Монтегю до нее и леди Элизабет Крейвен после, путешествия открыли доступ к новым пространствам для формирования новых социальных отношений, где гендер представлял важную форму привилегии.

**«Письма леди Рондо»:
культура вежливости и культура чувства**

На рубеже XVII–XVIII вв. в английском обществе начинает формироваться новая светская культура – культура вежливости, или *culture of politeness*, неременной характеристикой которой стал светский непринужденный разговор [Высокова, Дергачева, с. 275]. Как предполагает К. О'Локлин, возможно, идея опубликовать свои письма к Джейн Вигор пришла как реакция на успех публикации «Турецких писем» леди Мэри Уортли Монтегю в 1763 г. Ее успех позволил женщинам почувствовать себя более уверенно в новом жанре путевых заметок. Однако важно не то, что Монтегю открывает читателю «новый мир» экзотического Востока, ее «Письма» показывают смену тенденций в современной английской культуре – рост и развитие с конца XVII в. космополитической элиты, заинтересованной как в развитии культуры чтения и письма, так и культуры вежливости [O'Loughlin, p. 2]. К. О'Локлин полагает, что работа Монтегю была адресована элитарному кругу читателей, отмеченному статусом и особыми формами литературной общительности (*literary sociability*) [Ibid., p. 15].

Кроме того, исследователи склонны связывать «Письма» Джейн Вигор с расцветом «культуры чувств» (*culture of feeling*) в Западной Европе. Маркман Эллис утверждает, что сентиментальный стиль повествования, рассчитанный прежде всего на средний класс, привлек беспрецедентную читательскую аудиторию во второй половине XVIII в. [Ellis, p. 3]. «Культура чувств» нашла свое идеальное воплощение в фигуре Джейн Вигор – путешественницы и писательницы из высшего среднего класса, которая внезапно оказалась вхожа в высшие круги при русском дворе, а затем выступила искусным проводником в этом новом мире для любопытной британской публики.

Разного рода аспекты мужских путевых заметок XVIII в. достаточно хорошо известны, тогда как женщины XVIII в. остались в тени

мужского величия. Однако немалое количество женщин оставили записи о своих путешествиях за пределами Британии между 1680 и 1830 гг. Но в результате критического отношения к жанру путевых заметок и маргинализации женского письма в целом их творчество в значительной степени оставалось за рамками интересов как исследователей литературы XVIII в., так и культурной истории. Исследователи, как правило, отдавали предпочтение роману и лишь относительно недавно обратились к текстам, написанным женщинами (в любом жанре). Здесь можно отметить три ключевые работы: это «Женщины, письмо и путешествия» [O'Loughlin], «Кэмбриджская компания, посвященная травелогу» [The Cambridge Companion], а также знаковая работа Элизабет Бол «Женщины-писательницы-путешественницы и язык эстетики» [Bohls].

Как в зарубежной, так и в отечественной историографии присутствует достаточно ограниченное число работ, посвященных непосредственно Джейн Вигор и ее «Письмам». Наиболее полным исследованием является глава в монографии К. О'Локлин [O'Loughlin, p. 95–130], в которой рассматривается культура чувств при русском дворе, а «Письма» Джейн Вигор вписываются в широкий контекст английского женского травелога. Работа Л. Левенсона посвящена анализу переводов «Писем» в Европе и России [Loewenson]. Кроме того, среди отечественных исследователей, обращавшихся к британцам, оставившим свои записки о России в XVIII в., и к английским женским травелогам, в числе которых «Письма» Джейн Вигор, следует отметить Т. Л. Лабутину [Лабутина, 2013, с. 287–309; Лабутина, 2022] и небольшую статью А. В. Денисовой, посвященную краткой биографии леди Рондо и знакомству с ее «Письмами» [Денисова].

Отечественным исследователям импонируют симпатии Джейн Вигор к русскому двору. Ю. М. Лотман отмечал, что она была совсем не враждебна к русскому двору и описывала в своих посланиях доброту и чувствительность Анны Иоанновны и благородство Бирона [Лотман, с. 8]. Но здесь следует отметить, что она не знала страны и фактически не выезжала за пределы двора, не считая окрестностей Москвы и Петербурга, Новгорода и Твери. Она прямо пишет, подчеркивая свой гендерный статус и делая отсылки к «слабому полу»:

Вы требуете описания страны и характера народа, ее населяющего, между тем как эти предметы столько же понятны для меня, сколько для государственного министра – покрой вашего платья. Так как я передаю вам обо всем в том виде, в каком оно представляется слабому уму, то вы и не должны удивляться, если мои суждения покажутся вам ошибочными [Письма леди Рондо, с. 88].

О русском народе она упоминает лишь несколько раз, не утруждая себя подробными описаниями:

Я могу сказать о народе, что он крепко сложен, среднего роста и несколько красивее, чем в других странах; но я нахожу, что у русских вообще мало выражения в лице [Письма леди Рондо, с. 2].

О низших слоях русского общества Вигор отзывался следующим образом:

Здесьшний народ чрезвычайно вежлив, по своему понятию, но в нем человеческая природа слишком унижена, и эти несчастные создания так жалки, что, кажется, имеют только человеческое подобие [Там же, с. 6–7].

Космополитичность как русского двора, так и всей европейской элиты позволяла ей чувствовать себя вполне органично за пределами родины, что определялось также и засильем иностранцев при русском дворе, где знание русского языка вовсе не являлось обязательным требованием для сведения близких знакомств. Очевидно, что, в отличие от своего мужа [Vigor, 1784, p. 10], она не знала русский язык, когда прибыла в Петербург в 1728 г.: «...кратковременность моего здесь пребывания не допустила меня научиться настолько языку, чтобы вести хоть какой-нибудь разговор на нем» [Письма леди Рондо, с. 2]. В письме от 1734 г., когда Вигор уже вошла в ближайший круг графини Бирон и могла видаться в неформальной обстановке с Анной Иоанновной, она отмечает, что продвинулась в изучении русского языка:

По-видимому, она [Анна Иоанновна] довольна, когда я стараюсь говорить с ней по-русски, и так милостива, что учит меня, когда я выражаюсь худо или затрудняюсь в разговоре. Это случается очень часто, потому что я говорю по-русски плохо, хотя и понимаю, что говорят другие [Там же, с. 63].

Все же основным языком общения для нее являлся французский.

Рождение, свадьба и смерть в произведении леди Рондо

Следуя традициям путевых заметок, Вигор старалась ввести в повествование описание некоторых пейзажей и архитектурных особенностей, при этом постоянно делая оговорки, что весьма в этом несведуща. В нем встречаются как небольшие этнографические детали, так и описание полного цикла обрядов: крестин, свадьбы служанки и погребения младшей дочери князя Меншикова, выданной замуж за графа Густава Бирона [Письма леди Рондо, с. 13]. О православии она замечает: «Религия здесь, как кажется, состоит из внешних обрядов и множества суеверий» [Там же, с. 13]. При описании как свадьбы, так и погребения Вигор отмечает излишнюю эмоциональность, особенно представителей низших слоев общества. В случае погребения она была изумлена, что к прощанию были допущены слуги, которые

подняли такой крик, какой только можно было представить. Больше всего внимания она отводит описанию прощания мужа, который просил избавить его от участия в церемонии, однако «должен был подчиниться русскому обычаю из боязни, чтобы его отказ не приняли за презрение, так как он иностранец» [Письма леди Рондо, с. 82].

Вигор не обходит стороной опыт женской повседневности (беременность и роды). Как отмечает А. В. Белова, «леди Рондо еще в 1733 г. судила о русском обычае проведения после родов и денежного вознаграждения родильницы с позиции европейской рационалистки, ставшей невольной участницей этого обычая в его нетипичном проявлении. Она сообщала, что “один русский дворянин” зашел к ней, поздравил и “дал дукат”, объясняя это тем, что, по ее словам, “русские верят, что в противном случае либо женщина, либо ребенок умрет”» [Белова, с. 72]. Также А. В. Белова обращает внимание на то, что «восстановление после родов длилось обычно довольно продолжительное время, независимо от возраста дворянок и очередности репродуктивных опытов. Леди Рондо же в 1733 г. сообщала из Петербурга английской корреспондентке: “Ибо хотя миновало три месяца с тех пор, как я разрешилась от бремени, я еще не покидала моей комнаты; но так как настроение у меня доброе, надеюсь, что силы ко мне скоро вернуться”» [Там же, с. 74]. В своих письмах Вигор несколько раз упоминает о своих беременностях, но ни один из ее детей не вышел из младенческого возраста.

Философские рассуждения о любви также неоднократно фигурируют в «Письмах», любовь для Вигор является своеобразным мериллом искренности чувств в придворных кругах. Она неоднократно осуждает брак по расчету, придерживаясь относительно новой концепции, так мало свойственной аристократическим кругам, – браку по любви и взаимной симпатии. В одном из писем она делится подробностями развития своих отношений с Клавдием Рондо:

...Он взял на себя труд убедить меня в своей привязанности, чего я никогда не ожидала от его соотечественников¹, потому что они не привыкли к женщинам, которые ставят это одним из условий брака... если они встречают положение и титул, то очень равнодушно пренебрегают остальным. Они недоумевали бы, что вы хотите выразить, говоря, что не желаете выходить замуж за человека, не любя его [Письма леди Рондо, с. 42].

Своего мужа она именует наставником и господином, а отношения с ним характеризует как «доверчивую дружбу и нежную любовь» [Там же, с. 70]. Примечательно, что Вигор посвятила отдельное письмо описанию встречи с венецианкой при русском дворе, которая вышла замуж за старика. Несмотря на свое предубеждение против браков по расчету, Вигор отмечает, что благородное поведение венецианки и ее

¹ Клавдий Рондо был сыном французского протестанта, переехавшего в Англию.

сдержанность «не может согласовываться с низостью души женщины, продавшей себя за деньги дряхлому старику» [Письма леди Рондо, с. 134]. Вигор признается своей подруге, что хотя она и хотела бы завязать новое знакомство, но «сочла за лучшее не сходитьсь с этой дамой» [Там же, с. 135].

Джейн Вигор и женский круг при дворе Анны Иоанновны

Вигор была увлечена изучением роли отдельной личности и ее политическим влиянием, формировавшим русскую придворную культуру в 1730-е гг. В бытность ее женой британского резидента ее описания ключевых фигур влияли на восприятие русского двора британцами и европейцами вплоть до конца XVIII в.

Если обратиться к кругу общения Джейн Вигор в первые годы ее пребывания в России, когда она еще состояла в браке с Т. Уордом, станет очевидным, что это был практически мужской круг, сложившийся благодаря деловым связям ее супруга, редкое исключение в нем составляли жены иностранных представителей при русском дворе. Позднее, в годы правления Анны Иоанновны, ситуация изменится кардинальным образом, и уже сама Джейн Вигор начнет завязывать и поддерживать те знакомства при дворе, которые будут выгодны ее новому мужу. Каждому из своих знакомых она неизменно дает краткую характеристику, в основе которой лежит ее собственная шкала ценностных ориентиров. Для мужчины, по ее мнению, важными качествами являются приятность, живость, вежливость и добродушие. Наиболее употребляемые характеристики здесь – *agreeable, lively, polite, good-natured*. Тогда как едва ли не первой характеристикой женщины является ее красота или отсутствие оной, и лишь затем Вигор добавляет еще несколько штрихов к рисуемому портрету: это могут быть суждение об образовании, манерах, вежливости, иногда описание наряда, наличие детей (*handsome, lively, witty, domestick*). Эти характеристики варьируются от одного нового лица в письме, представляемого подруге, к другому, но в основе своей остаются неизменными.

Главными же необходимыми качествами для лиц обоего пола являются коммуникативные навыки и умение поддерживать светскую беседу. Обратимся к описанию круга общения Джейн Вигор в 1728 г.:

Его светлость – посол Испании и сын герцога Бервика. Он весьма приятен, жив, вежлив и добродушен. Граф Враттеслав, посланник императора Германии, большой болтун и много пьет, потому не всегда является самой приятной компанией... Мадам Бонди красива, но... образование у нее весьма посредственное. <...> Мадам ла Форт красива, отличается живостью, остроумна и воспитывалась при дворе. <...> Мадам Хокхольст немолода и некрасива, но очень добродушна. Она ведет домашний образ жизни, у нее нет детей... Стоит упомянуть генерала Лефорта, племянника знаменитого фаворита великого Петра. Это любезный человек, и у него такие же любезные жена и дочь [Vigor, 1784, p. 65–68].

При Анне Иоанновне Джейн Вигор была допущена в самый узкий придворный женский круг. В своих письмах она неоднократно отмечала, что любит рукодельничать, и заказывала у своей подруги из Англии узоры для вышивки. На почве любви к рукоделию Джейн Вигор сошлась с графиней Бирон, для которой специально заказывала узоры для вышивки из Англии. В экспозиции Музея Виктории и Альберта в Лондоне представлена часть вышивок Джейн Вигор. Группа из двадцати двух изящных чехлов для сидений вышита на необычной камвольной основе, Вигор работала над ними еще в Санкт-Петербурге, адаптируя русские материалы к английскому рисунку и навыкам вышивания [Chair Seat Cover]. Джейн Вигор отмечает, что графиня Бирон —

...большая любительница вышивания, и, узнав, что у меня есть несколько вышивок моей собственной работы, [она] пожелала их видеть и пригласила меня к себе работать два или три раза в неделю. Я приняла это приглашение с удовольствием по двум причинам: во-первых, г. Рондо, занимая настоящий пост, может извлечь из этого выгоды, и, во-вторых, мне представляется случай видеть царицу в такой обстановке, в какой иначе ее никак нельзя было бы видеть, потому что она постоянно проходит через ту комнату, в которой мы занимаемся рукоделием [Письма леди Рондо, с. 62–63].

Обхождение в этом тесном кружке было весьма простым, Дж. Вигор замечает, что императрица, когда приходила к ним, даже не обращала внимания, встают ли они перед ней, как этого требовал придворный этикет. Кроме того, она сама иногда садилась за пьалы и живо интересовалась Англией, особенно всем, что касалось королевы: «По ее словам, она так желала видеть королеву, что охотно сделала бы полдороги навстречу ей» [Там же, с. 63].

В портрете Анны Иоанновны, который рисует Джейн Вигор, видна неприкрытая симпатия к императрице. Своим портретам власть имущих особ Вигор пытается придать некую исключительность и особый ореол власти, связанный с их высоким положением. Так, об Анне Иоанновне она пишет:

...сердце ее одарено такими хорошими качествами, каких мне никогда не удавалось видеть у кого бы то ни было, и это – принимая в соображение ту власть, которая ей принадлежит – кажется особенным знамением божественной благодати [Там же, с. 64].

Или: «во взгляде ее есть что-то царственное, поражающее с первого разу» [Там же, с. 50]. А вот о герцогине Бирон она отзывается достаточно прямолинейно, невзирая на то, что пользовалась ее расположением:

Герцогиня горда и резка; в ее взгляде и манерах есть что-то надменное, уничтожающее то уважение, какое она хотела бы приобрести подобным способом; ее уважают только на виду, а не на самом деле. Сознаюсь откровенно, что хотя я и называюсь одной из ее любимиц и, как думаю, пользуюсь ее благосклонностью более, чем кто-либо, тем не менее, я не чувствую к ней в своем сердце того, что называется уважением [Письма леди Рондо, с. 108–109].

Джейн Вигор близко сошлась и с принцессой Елизаветой:

Принцесса делает мне честь, принимая мои частые визиты, и иногда даже посылает за мной; говоря откровенно, я ее уважаю и сердце мое чувствует к ней привязанность; со своей же стороны она смотрит на мои посещения как на удовольствие, а не как на церемонию [Там же, с. 75–76].

Можно сделать вывод, что она практически поровну делит свои симпатии между Анной Иоанновной и Елизаветой: «Она – милое создание... и хотя я нахожу, что в настоящее время престол занят достойною особою, но нельзя не желать, чтобы впоследствии он перешел к ней» [Там же, с. 76]. Тогда как принцесса Анна едва ли удостаивается положительной характеристики: «в ней нет ни красоты, ни грации, и ум ее не выказал еще ни одного блестящего качества» [Там же].

«Письма» описывают зону межличностного общения в рамках русского двора, который исследователи вписывают в рамки европейского космополитизма первой половины XVIII в. Публичная и частная жизнь здесь постоянно накладывались друг на друга, сосуществуя вместе, как и в других придворных культурах Европы. Новый русский европеизированный двор отличался большей публичностью, личной свободой и мобильностью для женщин из среды придворной элиты [Alexander, p. 148]. Это пространство перемен при русском дворе имело женское происхождение отчасти из-за необычной концентрации женщин у власти в России в период между Анной и Екатериной II.

В «Письмах» Джейн Вигор защищает частную жизнь некоторых лиц за счет обычного использования инициалов и многоточий при их упоминании, особенно в первом издании. При этом она гораздо менее сдержанна в своих описаниях характеров важных фигур при русском дворе, включая императорскую семью и иностранных министров. Эти портреты настолько откровенны, что Вигор умоляет подругу никому не показывать ее письма. Это обычный риторический прием (Монтегю и Крэйвен делают аналогичные оговорки в своей переписке), но Вигор, похоже, искренне осознает, что ее письма соответствуют действительности и что она шла на некоторые социальные, если не политические риски в своих откровенных описаниях. Вигор обладала беспрецедентной возможностью наблюдать и записывать события при дворе, функционировавшем как государственный орган и как место для частной жизни правящей семьи, что напрямую было

связано с ее статусом англичанки и супруги представителя британского правительства. О конфиденциальности переписки свидетельствуют постоянные отсылки в письмах Вигор:

Все сказанное мною должно остаться между нами; вы, конечно, не знаете, что за готовность мою удовлетворить вашему любопытству (так в переводе. – К. С.) меня могут повесить; поэтому-то, не желая рисковать, я не отправляю настоящего письма с обыкновенным курьером [Письма леди Рондо, с. 77].

Джон Александер указывает, что по крайней мере с 1730 г., «если не раньше, все придворные должны были приносить клятву на Библии и расписываться в том, что они должны хранить в тайне все увиденное или услышанное при дворе» [Alexander, p. 144]. Хотя такие директивы не могли полностью подавлять сплетни и разного рода спекуляции, вытекающая из этого скудость инсайдерской информации является одной из причин, по которой переписка Вигор так ценна для отечественных исследователей.

Сопоставление России и Европы дополняется рассказом о восточных посольствах. Описание появления послов при дворе приносит в «Письма Вигор» щепотку экзотики: «Теперь я собираюсь рассказать вам странные истории о турках, татарах и китайцах, – дразнит она, – ибо здесь со всех тех мест прибыли послы» [Vigor, 1775, p. 81]. Однако именно китайская делегация позволяет Вигор провести водораздел «Свои» – «Чужие». Несмотря на относительный космополитизм китайских послов, их присутствие в конечном итоге служит тому, чтобы подчеркнуть большее сходство между англичанами и русскими, и эта идентификация развивается вокруг гендерных ролей. На вопрос императрицы китайскому послу, что он находит наиболее отличным от их собственных обычаев, «что представлялось им самым необыкновенным», тот отвечает: «Видеть на престоле женщину» [Письма леди Рондо, с. 60]. Замечание посла кажется особенно шокирующим в контексте подробного описания русского двора в «Письмах» и растущей близости читателя с Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной. Ссылка на «женщину на престоле» также связывает этот феминизированный русский двор со двором британских монархов – Елизаветы I и королевы Анны, ассоциация, усиленная в глазах читателя сверхъестественным повторением имен. Отвержение китайским послом женщины на троне в конечном счете свидетельствует о его глубоком культурном отчуждении от среды, описанной в «Письмах», отчуждении, которое сближает английский и русский миры, населенные Вигор. Этот вопрос о женской автономии как моменте критического культурного различия подчеркивается рассказом Вигор о личной встрече с китайскими послами:

Подойдя к г. Рондо, они сказали, что знают англичан, потому что их много в Китае, и называли его братом... Они говорили, что англичане были бы благоразумнее, если бы не позволяли женщинам выходить и пользоваться свободой [Письма леди Рондо, с. 60–61].

Китайские послы были приглашены и на придворный маскарад, когда же их спросили, не кажутся ли им странными увеселения такого рода, они ответили, что «для них здесь все маскарад» [Там же].

Грани личной свободы при русском дворе

Джейн Вигор не обходит стороной и то, что казалось ей совершенно неприемлемым при русском дворе в контексте общеевропейских культурных ценностей, – деспотизм его правителей. Здесь можно выделить несколько сюжетов, связанных с женитьбой Петра II на княжне Екатерине Алексеевне Долгоруковой и ссылкой ее семьи и с судьбой Евдокии Лопухиной. В апреле 1730 г. Джейн Вигор с видимой приязнью описывает искренность чувств Екатерины Долгоруковой:

Брат немецкого посланника, предмет ее любви. Все уже улажено, и они ожидают только исполнения некоторых формальностей, необходимых в здешней стране... Она, кажется, очень рада быть в замужестве вне своего отечества, оказывает иностранцам много любезности, сильно любит своего жениха и взаимно им любима [Письма леди Рондо, с. 12].

Но уже в следующем письме, когда стало известно, что Петр II намерен жениться на Долгоруковой, она с горечью замечает, что «в этой стране нельзя отказываться» [Там же, с. 15]. Рассказ из первых рук повествует о конфликте между любовью и политикой. Заключительные строки этого письма свидетельствуют о незавидной судьбе Екатерины Долгоруковой: «величие не может облегчить ее страданий от безнадежной любви; в самом деле, только крайнее малодушие в состоянии променять любовь или дружбу на владычество» [Там же, с. 18–19].

В 1732 г. Джейн Вигор, сообщая своей подруге о ссылке семьи Долгоруковых, писала: «Вас, может быть, удивит ссылка женщин и детей; но здесь, когда глава семейства впадает в немилость, то все семейство подвергается преследованию» [Там же, с. 46]. Ю. М. Лотман указывает на то, что «включение в число опальной единицы всех представителей рода» [Лотман, с. 8] было естественным для русских людей, а «то же понятие коллективной (в данном случае – родовой), а не индивидуальной личности лежит, например, в основе кровной мести, когда весь род убийцы воспринимается как юридически ответственное лицо» [Там же, с. 9]. К. О'Локлин представляет Екатерину Долгорукову как синекдоху русской культуры. Для английского наблюдателя ее фигура выражает стремление империи к европейской идентичности через возможность брака по любви, которое сталки-

вается с деспотизм русской придворной культуры, которая может навязать брак по расчету, а затем изгнать невесту после смерти Петра со двора [O'Loughlin, p. 109].

В письме от 1731 г. Вигор отмечает, что ей удалось свести знакомство и с Евдокией Лопухиной. В ее судьбе Вигор также усматривает проявления деспотизма Петра I:

Царь был очень молод, когда женился на ней; он имел от нее сына, который впоследствии был приговорен к смерти и оставил сына и дочь. После нескольких лет супружества император возненавидел ее, побуждаемый ревностью; на основании этих подозрений она, ее ближайшие родственники и многие из придворных были арестованы и, по обычаю страны, допрошены под пыткой; но ни один из них не обвинил ее [Письма леди Рондо, с. 29].

Джейн Вигор не случайно уделяет отдельное внимание деспотизму русских правителей. Джереми Блэк отмечает, что в британской прессе конца 1720-х – начала 1730-х гг. русская политика представлялась не как единое целое, а как результат сложных фракционных распрей: ролью князя Меншикова, интересами таких фамилий, как Долгоруковы и Голицыны, расколом между старой «русской» знатью и иностранными советниками. Воцарения Петра II в 1727 г. и Анны Иоанновны в 1730 г. ознаменовались появлением заметок с предположениями о грядущих изменениях в России и возможности англо-русского сближения. Много внимания также уделялось подписанию Анной Иоанновной кондиций, которые должны были ограничить ее власть. Однако форма правления в России все еще оценивалась в Британии как деспотическое самодержавие. Россия представлялась государством, имеющим больше общего с Османской и Персидской империями, нежели с европейскими государствами [Black, p. 88].

Судьба нашей героини – образчик широких возможностей, открывшихся для представителей джентри с возникновением постоянной дипломатической службы и развитием торгово-экономических отношений между Россией и Англией. Она смогла значительно продвинуться по социальной лестнице, унаследовать приличное состояние, пережить трех мужей и прославиться своими заметками о дворе русской императрицы Анны Иоанновны. Джейн Вигор удалось зафиксировать в «Письмах» критический период модернизации в России между царствованиями Петра I и Екатерины Великой, когда женщина имела гораздо больше преимуществ для вхождения в придворные круги, чем мужчина. Россию и Англию в этот период связывали не только формировавшиеся экономические связи (новый англо-русский торговый договор 1734 г., заключенный в том числе и при посредничестве

К. Рондо), знакомство с образчиками английской культуры происходило и через публикации русскими издателями переводов из английских журналов «Спектейтор», «Тэтлер», «Гардиан» и других – проводников нового культурного кода вежливости, которые были весьма популярны у русской читающей публики [Левин].

Популярность жанра путевых заметок позволила познакомить английского читателя с культурой русского двора, во многом разделявшего общеевропейские ценности, что повлияло на формирование образа России в Англии в последней четверти XVIII в. Философия космополитизма пронизывает «Письма» и задает тон всей жизни Джейн Вигор и ее окружения. Несмотря на то, что Мэри Монтегю стала своего рода первопроходцем, продвигавшим новую культуру вежливости, Джейн Вигор удалось не только подчеркнуть ее важность, но и вписать русский двор в этот контекст. Свои симпатии при этом Джейн Вигор неизменно отдает Анне Иоанновне, в чей ближний круг она была вхожа, тогда как сюжеты, связанные с падением Меншикова, опалой Евдокии Лопухиной и семьи Долгоруковых, демонстрировали суровость нравов русского двора, которая была характерна для Петра I и Петра II и не вполне коррелировалась с европейским понятиями о личной свободе.

Список литературы

Белова А. В. Послеродовой период как элемент родильного обряда в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2014. № 3. С. 69–88.

Высокова В. В., Дергачева А. А. Даниэль Дефо о безнравственном разговоре и неподобающем поведении // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. № 11. Сер.: Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2021. С. 275–276.

Денисова А. В. Леди Рондо и ее «Письма» // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 161–164.

Лабутина Т. Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб. : Алетейя, 2013. 352 с.

Лабутина Т. Л. Дипломатическая и разведывательная деятельность британского посланника Клавдия Рондо в России в правление Анны Иоанновны // Дипломатия и дипломаты: из истории международных отношений стран Запада и России. СПб. : Алетейя, 2022. С. 254–284.

Левин Ю. Английская литература в России XVIII века // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 185–204.

Лотман Ю. М. О семиосфере // Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту : Тартус. гос. ун-т, 1984. С. 5–23.

Письма леди Рондо. Жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны. СПб. : Тип. Скарятина, 1874. XXX, 298 с.

Сын Отечества. 1822. Ч. 78. № 24. Разд. 2 (Российская история). С. 160–172.

Фрейхов В. Космополитизм // Мир просвещения : ист. словарь. М. : Памятники ист. мысли, 2003. 668 с.

Alexander J. T. The Courts of the Russian Empresses in the Eighteenth Century // *The Court Historian*. 1999. Vol. 4, № 2. P. 141–150. DOI 10.1179/cou.1999.4.2.005.

Black J. Russia and the British Press 1720–1740 // *Journal for Eighteenth-Century Studies*. 1982. Vol. 5, № 1. P. 85–92. DOI 10.1111/j.1754-0208.1982.tb00459.x.

Bohls E. A. Women Travel Writers and the Language of Aesthetics, 1716–1818. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. 310 p.

Chair Seat Cover by Jane Vigor // Victoria and Albert Museum : [website]. URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O1155756/chair-seat-cover-vigor-jane-mrs/> (accessed: 05.09.2022).

Cross A. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. 474 p.

Ellis M. *The Politics of Sensibility. Race, Gender and Commerce in the Sentimental Novel, Politics of Sensibility*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 280 p.

Loewenson L. Lady Rondeau's Letters from Russia (1728–1739) // *The Slavonic and East European Review*. 1957. Vol. 35, № 85. P. 399–408.

O'Loughlin K. *Women, Writing, and Travel in the Eighteenth Century*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018. 280 p.

The Cambridge Companion to Travel Writing / ed. by P. Hulme, T. Youngs. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. 358 p.

[Vigor J.J. Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to Her Friend in England, with Historical Notes. L. : J. Dodsley, 1775. VIII, 207 p.

Vigor J. *Eleven Additional Letters from Russia, in the Reign of Peter II. By the Late Mrs Vigor. Never before Published: With a Preface and Notes*. L. : J. Dodsley, 1784. VIII, 78 p.

References

Alexander, J. T. (1999). The Courts of the Russian Emperesses in the Eighteenth Century. In *The Court Historian*. Vol. 4. No. 2, pp. 141–150. DOI 10.1179/cou.1999.4.2.005.

Belova, A. V. (2014). Poslerodovoi period kak element rodil'nogo obyada v rossiiskoi dvoryanskoi kul'ture XVIII – serediny XIX veka [The Postnatal Period as an Element of the Maternity Rite in the Russian Nobility Culture of the 18th – Mid-19th Centuries]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 3, pp. 69–88.

Black, J. (1982). Russia and the British Press 1720–1740. In *Journal for Eighteenth-Century Studies*. Vol. 5. No. 1, pp. 85–92. DOI 10.1111/j.1754-0208.1982.tb00459.x.

Bohls, E. A. (1995). *Women Travel Writers and the Language of Aesthetics, 1716–1818*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 310 p.

Chair Seat Cover by Jane Vigor. (N. d.). In *Victoria and Albert Museum* [website]. URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O1155756/chair-seat-cover-vigor-jane-mrs/> (accessed: 05.09.2022).

Cross, A. (1997). *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 474 p.

Denisova, A. V. (2010). Ledi Rondo i ee “Pis'ma” [Lady Rondeau and Her “Letters”]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 161–164.

Ellis, M. (2004). *The Politics of Sensibility. Race, Gender and Commerce in the Sentimental Novel, Politics of Sensibility*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 280 p.

Freikhov, V. (2003). Kosmopolitizm [Cosmopolitanism]. In *Mir prosveshcheniya. Istoricheskii slovar'*. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 668 p.

Hulme, P., Youngs, T. (Eds.). (2002). *The Cambridge Companion to Travel Writing*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 358 p.

Labutina, T. L. (2013). *Britantsy v Rossii v XVIII veke* [The British in 18th-Century Russia]. St Petersburg, Aleteiya. 352 p.

Labutina, T. L. (2022). Diplomatskaya i razvedyvatel'naya deyatelnost' britanskogo poslannika Klavdiya Rondo v Rossii v pravlenie Anny Ioannovny [Diplomatic and Intelligence Activities of the British Envoy Claudius Rondeau in Russia during the Reign of Anna Ioannovna]. In *Diplomatiya i diplomaty: iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii stran Zapada i Rossii*. St Petersburg, Aleteiya, pp. 254–284.

Levin, Yu. (1996). Angliiskaya literatura v Rossii XVIII veka [English Literature in Russia in the 18th Century]. In *Voprosy literatury*. No. 1, pp. 185–204.

Loewenson, L. (1957). Lady Rondeau's Letters from Russia (1728–1739). In *The Slavonic and East European Review*. Vol. 35. No. 85, pp. 399–408.

Lotman, Yu. M. (1984). O semiosfere [On the Semiosphere]. In *Struktura dialoga kak printsip raboty semioticheskogo mekhanizma*. Tartu, Tartuskii gosudarstvennyi universitet, pp. 5–23.

O'Loughlin, K. (2018). *Women, Writing, and Travel in the Eighteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 280 p.

Pis'ma ledi Rondo. Zheny angliiskogo rezidenta pri russkom dvore v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ivanovny [Letters from Lady Rondeau. The Wives of an English Resident at the Russian Court in the Reign of Empress Anna Ivanovna]. (1874). St Petersburg, Tipografiya Skaryatina. XXX, 298 p.

Syn Otechestva [Son of the Fatherland]. (1822). Part 78. No. 24. Department 2 (Rossiiskaya istoriya), pp. 160–172.

[Vigor, J.] (1775). *Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to Her Friend in England, with Historical Notes*. L., J. Dodsley. VIII, 207 p.

Vigor, J. (1784). *Eleven Additional Letters from Russia, in the Reign of Peter II. By the Late Mrs Vigor. Never before Published. With a Preface and Notes*. L., J. Dodsley. VIII, 78 p.

Vysokova, V. V., Dergacheva, A. A. (2021). Daniel' Defo o beznravstvennom razgovore i nepodobayushchem povedenii [Daniel Defoe on the Immorality of Conversation, and Vulgar Errors of Behaviour]. In *Imagines mundi. Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX vv.* No. 11. Seriya: Intellektual'naya istoriya. Iss. 5. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 275–276.

The article was submitted on 19.08.2022

Иллюстрации к статье:
*Ксения Созинова. «Письма леди Рондо»: восприятие России англичанкой
в эпоху Просвещения*

Illustration for the article:
*Kseniya Sozinova. Letters of Lady Rondeau: Russia as Seen
by an Englishwoman in the Age of Enlightenment*

1. Дж. Хаймор. Портрет семьи Вигор. Джейн Вигор (леди Рондо) – слева. 1744.
Музей Виктории и Альберта
J. Highmore. A portrait of the Vigor Family. Jane Vigor (Lady Rondeau) left. 1744.
Victoria and Albert Museum